

Анастасия Плашинова

«Жалкие заблуждения женщин»:

ЭМАНСИПАЦИОННЫЕ СЮЖЕТЫ В РУССКИХ
АДЮЛЬТЕРНЫХ ПОВЕСТЯХ 1830—1850-х ГОДОВ

Anastasia Plashinova

“Pathetic Mistakes of Women”: Plots of Emancipation in the Russian Adultery Short Prose of 1830s—1850s

Анастасия Плашинова (магистр лингвистики) avplashinova@gmail.com.

Anastasia Plashinova (MA in linguistics) avplashinova@gmail.com.

Ключевые слова: беллетристика, эмансипация, корпусное исследование, женское образование

Key words: short fiction, emancipation, corpus study, women’s education

УДК: 82-3+82-1/-9

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_245

UDC: 82-3+82-1/-9

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_245

В статье на материале корпуса из 63 повестей показывается, что адюльтерный сюжет в 1830—1850-е годы — один из самых продуктивных для выражения эмансипационных идей. Реконструируя на русском материале сюжетную модель «супружеская измена», автор анализирует характерные для ряда текстов критические представления о браках по расчету, женском образовании и женском чтении. В фокусе внимания оказываются как мужская версия этой сюжетной модели (тексты В.Ф. Одоевского, С.П. Победоносцева, А.В. Дружинина), так и женская (повести А.Я. Панаевой, Н.С. Соханской, А.Д. Ульяновой). Рассматривается влияние на русскую адюльтерную повесть романов Бальзака и Жорж Санд.

Using a corpus of 63 short stories, this article shows that from the 1830s—1850s, the adultery plotline was one of the productive plotlines for expressing emancipatory ideas. Reconstructing the model of the plotline of “adultery” in Russian prose, the author analyzes critical remarks about marriages for convenience, women’s education, and women’s reading that were characteristic for a number of texts. The article focuses on both the male version of this plotline (texts by Vladimir Odoyevsky, Sergey Pobedonostsev, and Alexander Druzhinin) and female (texts by Avdotya Panaeva, Nadezhda Sokhanskaya and Anna Ulyanova). The influence of novels by Balzac and George Sand on the Russian adultery short story are also considered.

Супружеская измена — довольно распространенный в русской литературе сюжетный ход. Многие использующие его произведения вошли в национальный канон русской литературы: среди текстов, созданных в XIX веке, это, разумеется, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Гроза» А.Н. Островского, «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова. В первой половине XIX века над этой темой работали и А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. Тем не менее слабо исследованной остается эволюция этого сюжета в жанре повести, особенно если речь идет о не самых известных писателях и писательницах.

По данным корпуса русской беллетристики 1825—1850-х годов¹, на который мы опираемся в этой статье, адюльтерный сюжет — третий по распростра-

1 Наш корпус адюльтерных повестей является лишь малой частью большого корпуса русской беллетристики 1825—1850 годов, собранной и проаннотированной научно-учебной группой НИУ ВШЭ «Русская повесть» (доступен по адресу: <https://philology.hse.ru/rusnovel/> (дата обращения: 25.11.2021)). В него вошло почти 900 текстов, для

ненности во второй четверти XIX века: в основных русских литературных журналах было опубликовано 63 прозаических текста, в которых супружеская измена (в том числе предполагаемая, нереализованная или описанная в комическом ключе) является основным или одним из основных двигателей сюжета. Тексты эти, за исключением нескольких спорных случаев (например, при нераскрытом псевдониме автора или анонимной публикации), являются оригинальными русскими повестями.

Ф. Джеймисон писал, что сюжетный каркас адультерного романа (предполагаем, что и текстов малых жанров) на протяжении десятилетий остается неизменным [Jameson 2013: 178–179], и в этом мы убеждаемся, анализируя тексты из настоящего корпуса. Большинство из них сводимы к общей модели светской повести, в центре сюжета которой — измена жены мужу (женская неверность описана почти в 70% текстов). Действие чаще всего происходит в Петербурге, за границей или в провинциальном городе (35, 19 и 13% текстов соответственно), в современную эпоху, в дворянской среде, а финал оказывается печальным хотя бы для одного из участников любовного треугольника: чаще для изменившей жены, которая заболевает, сходит с ума или умирает.

Эта модель в общих чертах совпадает с европейской, описанной, например, Б. Овертоном [Overton 2002: 49]. Овертон среди характерных признаков адультерного текста отмечал также, что автором такого произведения почти всегда является мужчина. Это справедливо и для нашего корпуса (как, впрочем, и для всего корпуса русской беллетристики того времени). Мы обнаружили только шесть текстов, написанных авторами-женщинами (чьи имена безусловно установлены): это четыре повести А.Я. Панаевой: «Неосторожное слово» (Современник. 1848. Т. 8. Ч. 3), «Безобразный муж» (Современник. 1848. Т. 8. Ч. 4), «Жена часового мастера» (Современник. 1849. Т. 13. Ч. 2) «Необдуманый шаг» (Современник. 1850. Т. 19. Ч. 1), повесть Н.С. Соханской «Графиня Д***» (Отечественные записки. 1848. № 12) и повесть А.Д. Ульяновой «Берта Гогенбуш» (Москвитянин. 1845. № 5-6).

Ф. Джеймисон полагал, что при сохранении традиционной сюжетной модели значительные изменения со временем начинает претерпевать идеологическая составляющая адультерных текстов. Так, среди найденных нами произведений есть такие, которые явно критикуют сложившийся порядок заключения браков и положение женщины. Примечательно, что к ним относятся и почти все написанные женщинами повести (за исключением фрагментарного текста Соханской). В этой статье мы проанализируем «эмансипационные» тексты нашего корпуса, написанные как женщинами, так и мужчинами, и рассмотрим, как связаны эти часто критические тексты с традиционным жанровым канон и европейскими произведениями, которые стали источником вдохновения для некоторых авторов.

«Эмансипационные» тексты корпуса можно условно разделить на несколько групп в соответствии с проблемами, которые в них рассматриваются. Прежде всего это, конечно, тексты о несчастливом замужестве, браке без любви (чаще всего между пожилым мужчиной и молодой женщиной). Для значительного количества героинь данного корпуса измена — следствие именно неудачного

которых был составлен указатель сюжетов. Сюжет о супружеской измене — третий по распространенности в этом корпусе после сюжетов «соперничество героев за возлюбленную» и «запрет на брак».

брака, а не, например, светское развлечение: в 32% текстов авторы делают акцент на несчастливой жизни супругов.

С одной стороны, тексты с подобным сюжетом отражали актуальную проблематику времени. Как известно, довольно долгое время расчет был основным мотивом заключения брака, особенно среди высших слоев, но в XIX столетии, как отмечала Л. Абрамс [Абрамс 2011], во многих европейских странах началась дискуссия о приемлемости такого порядка вещей. «Экономическая» модель брака начинает трансформироваться в «романтическую», в публицистике и художественной литературе все чаще звучит критика и даже осуждение браков по расчету, браков без любви. Похожие процессы происходили в России, что может объяснять возросшую популярность этого сюжета в середине XIX века.

Не в меньшей, а возможно даже и в большей степени на распространение адультерного сюжета повлияли сугубо литературные причины. Прежде всего, к таким причинам относится интенсивное заимствование русскими авторами нарративной техники и сюжетов французской литературы. Так, Л.И. Вольперт проанализировала влияние французских адультерных романов (О. де Бальзака, Ж. Ансело, Стендаля, Ж. Санд и других авторов) на творчество Пушкина и Лермонтова. Как указывает исследовательница, в русской литературе допушкинского периода этот сюжет практически не появлялся, исключение составляет лишь драматический отрывок Карамзина «Софья». В 1820-е годы адультерным сюжетом начинает интересоваться Пушкин. Мы находим этот сюжет в незаконченных произведениях «Арап Петра Великого» и «Через неделю буду в Париже непременно». Примечательно, что супружеская измена в этих текстах происходит в Париже. По замечанию Вольперт, перенос места действия в Россию требовал от писателя некоторой смелости и был впервые осуществлен в плане ненаписанного романа «L'Homme du monde» («Светский человек»). Далее в «Евгении Онегине», «Дубровском», «Метели» Пушкин будет развивать сюжет нереализованной супружеской измены («жена любит не мужа»). Впервые «с законченностью и глубиной» сюжет реализованной супружеской измены разработан в русской светской прозе, по мнению Л.И. Вольперт, в «Герое нашего времени» Лермонтова [Вольперт 1994: 75].

Вместе с самим сюжетом супружеской измены русские писатели нередко заимствовали из французской литературы и идеологическую составляющую. Здесь особенно велико было влияние Бальзака. «После появления “Физиологии брака” создатели светской прозы во Франции и в России не могли не учитывать книги Бальзака; отношение к ней могло быть разным, часто отрицательным, но не замечать ее было нельзя» [Вольперт 1998: 282]. Не менее важным стал для русских авторов роман «Тридцатилетняя женщина» (1842) с его важнейшей идеей о браке как об «узаконенной проституции»². Героиня этого романа в одном из эпизодов сокрушалась:

Вы клеймите презрением тех несчастных женщин, которые продают себя за несколько экю первому встречному: голод и нужда оправдывают эти мимолетные союзы. Общество же допускает и одобряет еще более ужасный для невинной девушки, необдуманый союз с мужчиною, с которым она не знакома и трех месяцев; она продана на всю жизнь³.

2 Бальзак О. Тридцатилетняя женщина / Пер с фр. А. Худадовой // Бальзак О. Собрание сочинений: В 24 т. Т. 2. М.: Правда, 1960. С. 171.

3 Там же. С. 177.

Хотя подобное положение молодой жены является исходной предпосылкой для сюжетов многих русских повестей (в том числе большинства упомянутых в этой статье текстов), авторы-мужчины редко критически относились к такому положению дел.

Явно выделяются на общем фоне уже упомянутые тексты авторов-женщин: произведения А.Я. Панаевой⁴ и повесть «Берта Гогенбуш» А.Д. Ульяновой. Их героини попадают в совершенно разные ситуации. Девушки из повестей Панаевой оказываются «куплены» мужьями, тогда как Берта сама невеста с богатым приданым. Ее возлюбленный интересуется только ее состоянием, а мужчина, за которого Берта выходит замуж, хотя и богат, но ищет не ту, кого сможет полюбить, а достойную его невесту. Женившись, он изменяет Берте с ее приятельницей, и главная героиня, став свидетельницей их свидания, заболевает, теряет ребенка и умирает. Таким образом, богатая невеста тоже может оказаться лишенной любви, обманутой и совершенно неспособной выйти из этой ситуации.

С другой стороны, помимо «купленных невест» в корпусе присутствует и несколько «бедных женихов», которые, как правило, также несчастливы в любви. Так, герой анонимной повести «Прогулка по Шельшедамскому острову» (Москвитянин. 1842. № 10) не смог жениться на любимой девушке из-за своего финансового положения и претендует на роль ее любовника; с небогатым мужчиной изменяет мужу героиня текста И.И. Панаева «Спальня светской женщины» (Сын Отечества и Северный архив. 1835. № 13—14), а в анонимной «Неровне» (Сын Отечества. 1839. Т. 10) изображен неравный брак, в котором более обеспеченной является жена. Кроме того, популярен сюжет о жене, которая своим образом жизни разоряет мужа (порой искренне ее любящего): так происходит в текстах «Милочка» С.П. Победоносцева (Отечественные записки. 1845. № 6) и «Пан Грошевич» В.П. Кулина (Отечественные записки. 1848. № 5), а в повести «Квит» Н.В. Кукольника (Пантеон русского и всех европейских театров. 1843. Т. 1) женщина обманывает и мужа, и любовников и богатеет. Деньги играют важную роль и в повестях «Человек» А.И. Шлихтера (Сын Отечества и Северный архив. 1835. № 11—12, 17—18), в которой бедный герой влюбляется в богатую наследницу, а далее «выкупает» жену у любовника, предлагая ему значительную сумму, и «Сцена большого света» А. Лясотовича (Москвитянин. 1846. № 9), где изображено несколько браков и адюльтеров, основанных не на чувствах, но на корысти, зависти и злобе.

Другая распространенная «эмансипационная» тема адюльтерного корпуса — женское образование и воспитание. Многие авторы видели в них причину неумения девушек выбрать достойного жениха или сопротивляться нормам патриархальной системы.

Среди них, например, В.Ф. Одоевский, автор повести «Княжна Мими» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 7). Адюльтерный сюжет в ней находится скорее на периферии (хотя присутствуют многие его характерные черты: автор отмечает, что брак Рифейских несчастлив, жена испытывает к мужу отвращение и замуж вышла по воле родителей), он уступает место истории заглавной

4 Некоторые адюльтерные повести Панаевой (в том числе в связи с «Тридцатилетней женщиной») мы рассмотрели в статье «“Необдуманные шаги”: трансформация сюжета “супружеская измена” в прозе А.Я. Панаевой (на материале корпуса повестей)» [Плашинова 2018].

героини, старой девы. Как отмечает С.В. Бурмистрова, незамужняя княжна Мими оказывается совершенно выключенной из системы социальных отношений, в которой главным признаком женщины является ее матримониальный статус. Она не может примкнуть ни к молодым девушкам, ни к замужним дамам. Система воспитания и стереотипы превращают героиню в завистливую и лицемерную сплетницу, которая разрушает отношения окружающих [Бурмистрова 2010: 76].

Несложно заметить параллели между критически выведенным образом княжны Мими и описанием, которое дал молодым русским дворянкам Белинский (высоко оценивший повесть Одоевского) в статье о «Евгений Онегин» спустя десять лет, в 1845 году:

Русская девушка... не человек: она не что другое, как невеста... Удивительно ли, что с ранних лет до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, все думы, все мечты, все стремления, все молитвы ее сосредоточены на одной *idée fixe*: на замужестве, что выйти замуж — ее единственное страстное желание, цель и смысл ее существования, что вне этого она ничего не понимает, ни о чем не думает, ничего не желает и что на всякого неженатого мужчину она смотрит опять не как на человека, а только как на жениха?⁵

Позже во многом схожие идеи будет развивать и Л.Н. Толстой в «Крейцеровой сонате»⁶.

В повести Одоевского общество с одинаковым упорством приписывает каждой молодой девушке выйти замуж, а вышедшей за человека уважаемого и даже богатого (то есть составившей хорошую партию), но непривлекательного и пожилого — изменять ему. Уже с первых строк произведения баронессе Дауреталь, жене именно такого человека, навязывается измена: «...для всякого она вместе с бароном была чем-то невозможным, противным приличию, какою-то нелепостью; знала и то, как во время ее свадьбы толковали в городе, что она вышла за барона по расчету...»⁷; окружающие постоянно ищут повод заподозрить ее в любовных отношениях с кем-либо из молодых людей. Княжна Мими и ее окружение не думают о любви в браке и не ждут женихов, которых обязательно смогут полюбить, но неожиданным образом право женщины на любовь признают и ожидают от нее стремления к чувствам, хотя и осуждают его. Примечательна в этом смысле фигура баронессы, которая по неясным даже автору причинам выходит замуж за Дауреталья и тщательно охраняет свою честь и репутацию, оставаясь верной мужу. Руководит ли ей чувство долга, любовь к супругу или особенности характера, но поведение героини явно не соответствует ожидаемому от нее (парадоксальным образом не менее ожидаемую роль добродетельной жены она исполняет). То же можно сказать и про Рифейскую — тайно общаясь с Границким, она, однако, ждет смерти больного супруга и возможности вступить в связь с возлюбленным уже открыто, а до тех пор собирается «искупить» свою любовь к другому заботой о муже. Две

5 Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. «Евгений Онегин» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 474–475.

6 Этому вопросу посвящена монография [Заламбани 2017].

7 Безгласный В. [Одоевский В.Ф.] Княжна Мими. Домашние разговоры // Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. С. 18.

эти героини живут в соответствии с собственными представлениями о должном, руководствуясь разумом и чувствами, в отличие от других светских дам. И именно такое поведение, явно поддерживаемое автором, не принимается светским обществом, сплетни губят героев: Границкий убит на дуэли братом барона, баронесса заболевает и умирает, не выдержав позора, Рифейская остается одинокой вдовой. Так существующая система взглядов на роль женщины и ее воспитание не только разрушают жизнь княжны Мими, но и не дает счастливо жить героям, эту систему отвергающим.

Сплетни и предрассудки — один из основных объектов жесткой критики авторов корпуса и функциональный прием,двигающий развитие сюжета во многих текстах. И.Л. Савкина, посвящая молве главу книги «Провинциалки русской литературы», пишет, что сплетни в беллетристике почти исключительно женское дело. Молва является главным инструментом власти в руках женщины, это практически единственный способ для женского персонажа обрести речь, однако он лишь утверждает патриархальный строй общества: главной жертвой женщины, обладающей таким «голосом», всегда оказывается другая женщина, светские сплетни становятся полноценной метафорой суда [Савкина 1998: 199—200]. В повести «Неосторожное слово» Панаевой героиня признает, что общественное порицание — самое страшное, что грозит девушке, полюбившей другого⁸. В корпусе нет текстов, которые подробно рассматривали бы, например, религиозную сторону проблемы и обвиняли героиню в нарушении святости брака, не очень много в нем и таких повестей, которые изображали бы страдания покинутого мужа. Однако презрение общества, нарушение героиней именно светских законов, нередко становится если не основным, то очень важным фактором в развитии сюжета. Так, оно оказывает влияние на судьбы героев текстов «Три встречи» Ф.В. Булгарина (Северная пчела. 1833. № 255—256), «Живописец» М.Н. Загоскина (Сын Отечества. 1842. № 10), «Две минуты» В. Соллогуба (Отечественные записки. 1846. № 1), «Встречи на жизненном пути» Василия Заточника (Иллюстрация. 1848. № 40, 42) и других. Характерно, что в беллетристике даже появляются сюжеты мнимой измены, в которых жена, вопреки сложившемуся мнению, на самом деле остается верной мужу или же любовником оказывается не тот, на кого думает общество, — в корпусе около 10% таких повестей⁹. Впрочем, появление подобных текстов может свидетельствовать не только об отрицательном отношении писателей к светскому обществу и влиянию его мнения на частную жизнь людей, но и об освоении русской литературой адюльтерного сюжета и начале экспериментов с традиционной моделью, представлении ее в инверсированном или даже пародийном ключе.

Важным мотивом, связанным с женским образованием, во многих повестях становится чтение. За чтением упоминаются героини текстов «Кто ж в этом виноват?» Шлихтера (Сын Отечества и Северный архив. 1835. № 5), «Спальня

8 Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Неосторожное слово // Современник. 1848. № 3. Отд. I. С. 67.

9 Это повести: *Радожницкий И.* Кыз-Брун. Черкесская повесть // Отечественные записки. 1827. № 91—92; *Безгласный В.* [Одоевский В.Ф.] Княжна Мими. Домашние разговоры // Библиотека для чтения. 1834. Т. 7; *Шибавев.* Может ли это быть? Повесть // Библиотека для чтения. 1834. Т. 4; *Гр. В-ъ С-ъ* [Соллогуб В.А.] История двух калаш. Отечественные записки. 1839. № 1; [Заточник В.] Встречи на жизненном пути // Иллюстрация. 1848. № 40—42.

светской женщины» Панаева, «Две минуты» Соллогуба, «Встречи на жизненном пути» Василия Заточника, с помощью книг надеется воспитать свою юную жену герой повести Дружинина «Полинька Сакс» (Современник. 1847. № 12), значительное влияние оказывает литература и на героя текста Панаевой «Необдуманый шаг» (Современник. 1850. № 1), в котором адюльтерный сюжет инверсирован и герой-мужчина приобретает многие традиционные черты «неверной жены».

С одной стороны, этот мотив в адюльтерных повестях продолжает общеромантический конфликт реальности и ее литературного изображения: чтение нередко заставляет героиню конструировать образ идеального возлюбленного, что в итоге может привести к разочарованию в том, как действительно устроены семейные отношения или общество в целом. Здесь мы можем увидеть следы возникшего еще на рубеже XVIII—XIX веков настороженного отношения к женскому чтению. Идеальная женщина, с точки зрения, например, Н.М. Карамзина, обладает «не блестящим, но тонким» умом, скромна, много читает, но лишь «нравоучительные» произведения — именно такие качества описаны в переводной статье, помещенной им в первый номер «Вестника Европы»¹⁰. «Ученость не к лицу женщине... Женщина должна оставаться в предписанных обществом рамках — женой, матерью и хозяйкой...», — отмечала М. Нестеренко, анализируя образ женщины-читательницы в представлении писателей-сентименталистов [Нестеренко 2021: 38]. Так и в произведениях нашего корпуса увлечение литературой нередко становится признаком неверной жены, а порой и прямо влияет на решение изменить мужу.

Особое место в кругу чтения и реальных, и вымышленных читательниц середины XIX века занимали романы французской писательницы Жорж Санд. Их героини «бунтовали против светской морали, жили по своей внутренней логике — логике чувства» [Кафанова 2000: 18], в том числе влюблялись в других мужчин и расставались с мужьями, смело меняли свою жизнь. В адюльтерных повестях романы Санд, в отличие от другой упоминаемой литературы, не столько настраивали девушек на романтический образ мыслей и заставляли мечтать об идеальной любви, сколько давали модели поведения, которым героини пытались следовать. Авторы адюльтерных повестей, изображая таких героинь, по-разному оценивали влияние Жорж Санд на женщин.

Например, критическую точку зрения на увлечение романами писательницы высказывает Победоносцев в повести «Милочка» (Отечественные записки. 1845. № 6). Его героиня Людмила Павловна, Милочка, — дочь небогатых дворян. Она получила неплохое образование в пансионе, но, подобно княжне Мими, долго не могла выйти замуж. Жизнь с родителями в провинции и в Петербурге с теткой уничтожили все искреннее, что было в характере девушки по окончании пансиона, как пишет автор, она «предалась духу эгоизма и пустоты»¹¹. При этом Милочка очень любит читать романы Жорж Санд, но восхищается не действительными достоинствами произведений, а их второстепенными свойствами, теми, в которых общество «находит грязь и безнравственность»¹². Любимый роман Милочки — «Лелия» (1833, вторая редакция — 1839), она даже начинает вести дневник в духе рассуждений главной героини, представ-

¹⁰ Вестник Европы. 1803. № 1. С. 57.

¹¹ Победоносцев С.П. Милочка // Отечественные записки. 1845. Т. 40. № 6. С. 338.

¹² Там же.

ляя свою жизнь как бесконечное мучение. В повести не сказано, начинает ли Милочка, подражая Лелии, переходить от любовника к любовнику (хотя о ней ходят разные слухи), но, по-видимому, в том числе и много раз прочитанные и непонятые романы о свободе в любви влияют на то, что уже начиная со свадебной церемонии героиня относится к мужу пренебрежительно, ведет интенсивную светскую жизнь. И хотя внутренний мир Милочки не описан (повествование сконцентрировано на ее муже), можно предположить, что она, представляя себя Лелией, решает искать счастье, совершенно пренебрегая своим положением, чувствами любящего ее супруга и даже материальными трудностями их семьи. В повести Победоносцева сталкиваются две идеологии семейных отношений: та, которую мы уже видели в тексте Одоевского, предписывающая каждой девушке выйти замуж, желательно за человека побогаче, а в женском воспитании не предполагающая развития девушки как личности (характерна перемена, произошедшая с Милочкой при возвращении из пансиона в родительский дом), и идеология Жорж Санд, главной ценностью которой является свобода. Современные идеи, усвоенные неподготовленным человеком, не перекрывают «традиционного воспитания», но приводят к тому, что, добившись главной цели — выйдя замуж, Милочка начинает претендовать на статус просвещенной женщины свободных нравов, вольной самостоятельно строить свое счастье. Эта роль, однако, реализуется лишь в бесконечных развлечениях и дорогих покупках.

Примечательно, что многие герои этой повести читают именно французских авторов, но никогда их чтение не приводит к чему-то большему, чем к репутации просвещенного человека. Пожилая чета друзей главного героя, которых автор сравнивает с персонажами «Старосветских помещиков», каждый день в отведенное время садятся за книги: она — за романы, он — за историков Вильмена, Гизо, Тьерри. Французские же романы читает тетка героини, названная, что характерно, «бальзаковской красавицей». При этом понимание героями этих сочинений ставится под сомнение — не только из-за их, возможно, непростого содержания, но и из-за несовершенного знания персонажами французского языка. Главный герой повести, чиновник Николай Иванович, литературой не интересуется, но ему нравится быть в курсе событий, и он обо всем судит с точки зрения товарища по службе, литератора, сам не читая книг. Так, процесс чтения в повести оказывается лишь имитацией настоящего чтения, «начитанность» персонажей призвана лишь обманывать окружающих и самих «читателей». Претенциозность становится главным качеством героев произведения (примечателен эпизод, в котором жених и отец невесты обсуждают кареты, и каждый говорит, что производитель его кареты является поставщиком императорского двора, но фамилий этих мастеров герои не помнят). Итак, образ Милочки в тексте оказывается не исключительным, но вполне характерным для того общества, в котором она существует (критический пафос в отношении всего общества усиливают упоминания о Грибоедове и «Горе от ума», а также эпиграфы из этой комедии). Победоносцев показывает, как популярные романы Жорж Санд, если они оказываются в руках неподготовленного читателя, вовсе не способствуют эмансипации, но лишь усиливают поверхностность и искусственность светского общества.

Жить по роману Жорж Санд стремится и героиня повести Панаевой «Безобразный муж»: она читает первый самостоятельный роман писательницы «Индiana» (1832). Сюжет этого произведения лег также в основу повести Кудряв-

цева «Без рассвета» (Современник. 1847. № 2). По роману Жорж Санд «Жак», предлагающему, пожалуй, наиболее радикальную модель семейных отношений¹³, действуют героини вошедшей в наш корпус повести А.В. Дружинина «Полинька Сакс» (а также в высшей степени «эмансипационных» романов «Кто виноват?» А.И. Герцена и «Что делать?» Н.Г. Чернышевского). Этот роман изображает брак двух разных, но любящих друг друга людей, — молодой и неопытной Фернанды и Жака, мужчины средних лет, умного и требовательного к себе. Когда Жак убеждается, что жена влюблена в более молодого и близкого ей по духу Октава, он понимает, что стал помехой счастью любимой, покидает свой дом и без вести пропадает в горах (вероятно, совершая самоубийство).

Важное отличие сюжета романа Санд от общеевропейской модели — изначально счастливый брак героев, высокие моральные качества мужа и искренняя любовь к нему жены. Причиной измены становится не уход от совершенно чуждого мужа к близкому по духу любовнику, как это происходит в ряде адультерных текстов. Поиски кого-нибудь непохожего на отвратительного супруга — кого-нибудь более молодого, более образованного, более внимательного, — которые мы видим в большинстве адультерных повестей, у Жорж Санд и ее последователей превращаются в поиски действительно лучшего мужчины для конкретной женщины. Контраст мужа и любовника оказывается в ее романе не столь разительным: хотя Жак и Октав, без сомнения, очень различны, они гораздо ближе друг к другу, чем, например, молодой чувствительный офицер и располневший равнодушный старик; любовник может даже оказаться формально «хуже» мужа, но именно с ним героиня способна найти свое счастье. Впрочем, в русском тексте, как мы увидим далее, эта идея не получает своего полного развития и представлена в ином виде.

Не новой, но вновь ставшей популярной при появлении «Жака» является и идея воспитания жены мужем (хотя герой романа и отказывается от осознанной цели преобразовать жену), а также его стремление вырвать ее из семьи, влияющей на девушку отрицательно. В одном из первых писем своей сестре Сильвии Жак объясняет, почему он решает вступить в брак: он хочет обрести покой и посвятить жизнь воспитанию юного существа. По мнению Сильвии, Жак пытается взять на себя тяжелое испытание, чтобы проверить свои силы. Героини русской литературы, особенно Лопухов из «Что делать?», также реализуют этот сценарий, с помощью брака освобождая девушку и надеясь усовершенствовать ее понимание жизни, но идея жертвенности при вступлении в брак для них не очень характерна.

Использование сюжета «Жака» в повести Дружинина «Полинька Сакс» прокомментировано многими исследователями¹⁴, а современники даже обвиняли русского автора в подражании. Дружинин не только воспроизводит сюжет Санд, но и прямо упоминает ее имя в тексте: воспитывать свою юную жену Сакс пытается в том числе и при помощи книг французской писательницы: «Пробовал, однако, я давать ей первые романы Жоржа Санда: я был вполне убежден, что женщине будет доступен гений женщины. Вышло совсем напротив: она зе-

13 Р. Годвин-Джонс подробно рассматривает систему персонажей романа и отношения между ними в главе своей книги «Романтическое видение: романы Жорж Санд» [Godwin-Jones 1995].

14 Назовем работы: [Бройде 1986; Егоров 1986; Eidelman 1994; Klenin 1991].

вала, зевала и — бросила книги с отвращением»¹⁵. Полинька называет писательницу «пребесстыдной и прескучной»¹⁶ и пересказывает в письме подруге эпизод из «Индианы», в котором «мужчина пробирается в спальню молодой девушки и стоит всю ночь у ее постели!»¹⁷. Важно, что в первых романах Жорж Санд (кроме «Индианы», это «Валентина», «Лелия», «Жак») в наибольшей степени отразились смелые идеи автора о свободе женщин. В отличие от персонажей других текстов, по разным причинам не готовых правильно понять Санд, Полинька осознанно ее избегает. С одной стороны, слишком сильно влияние на нее семьи и подруг, считающих такие произведения безнравственными, с другой стороны, героиня, будучи совсем ребенком, словно бы отвергает само чтение, оно кажется ей скучным. В одном из эпизодов Полинька, стремясь угодить мужу, пытается начать читать и даже выучить наизусть роман «Мопра», но демонстрирует этим только непонимание супруга, Сакс отбирает у нее книгу. Увлечение литературой мужа Полинька даже несколько осуждает, количество его книг кажется ей чрезмерным. Таким образом, в деле воспитания Полиньки ее супруг борется не столько с традиционными установками, которые могло дать ей окружение, сколько с предрассудками ее возраста. И Фернанда, и Полинька в текстах постепенно взрослеют и понимают, что им действительно необходимо для счастья. Конфликт, в основе которого изначальное несовпадение мировоззрений героев, в повести Дружинина не получает подробного развития и разрешения. Полинька в силу неопытности слишком поздно осознает, что все это время любила первого мужа и именно это чувство было настоящим, при этом вопрос о возможном несовпадении их характеров (удалось бы Саксу воспитать себе достойную спутницу жизни?) остается открытым.

Савкина, анализируя эту повесть, отмечает, что, хотя Сакс и говорит о воспитании свободной женщины, его скорее беспокоит «“бесполость” и бесстрастность» его жены, он борется именно с ее детскостью и хотел бы «пробудить “взрослую” страсть к себе» (отношения с Галицким, по Савкиной, также являются «детскими») [Савкина 1998: 88]. Таким образом, намерения Сакса (возможно, неосознанные) оказываются довольно далекими от действительно эмансипационных целей Жака. В конце повести героиня умирает, отправив Саксу письмо с признанием в любви и объяснением, что «ребенок его перед смертью сделался женщиною»¹⁸. По мнению исследовательницы, смерть Полиньки обусловлена не только гендерной спецификой жанра, но и возникшим противоречием: она не может быть одновременно ребенком, ученицей Сакса (а герой на протяжении всего текста сохраняет роль отца и наставника) и его возлюбленной [Там же: 89].

Уход одного из участников любовного треугольника приводит не к счастью оставшейся пары, но в итоге к страданиям всех героев. Дружинин показывает, что сценарий Санд не может быть в полной мере реализован в России 1840-х годов. Сакс действительно близок Жаку, но Полинька оказывается во все не Фернандой, ее связь с Галицким не выбор более подходящего мужчины, но ошибка, детское неумение понять, что действительно ей нужно для счастья. Неизвестно, мог ли бы Сакс образумить жену, не отпустив ее к любовнику, но

15 Дружинин А.В. Полинька Сакс // Современник. 1847. Т. 6. Ч. 2. № 12. С. 159.

16 Там же. С. 164.

17 Там же.

18 Там же. С. 226.

ошибкой может быть назван и его поступок в духе героя Жорж Санд. Писательница по мере движения сюжета разбивает явно неподходящие друг к другу пары Жака и Фернанды, Октава и Сильвии. Более молодые герои, «дети», «дикари», находят счастье друг в друге, сильные же и сложные натуры остаются одинокими (хотя герои, вероятно, могли бы стать счастливой парой, их соединение невозможно из-за предполагаемого родства). Главным фактором у Санд становится совпадение типа натур супругов, Дружинин же, явно отдавая предпочтение Саксу, а не Галицкому, заставляет и свою героиню делать выбор в пользу того, кто, возможно, никогда не станет ей близок по духу, несмотря на взаимную любовь (по Савкиной, их дальнейшие отношения определенно оказываются невозможными). По-видимому, заимствуя сюжет романа, русский автор не учитывает одну из важнейших его идей и ведет своих героев по другому пути, который, по Санд, может показаться неубедительным.

Характерно, что измена в повести возникает не по вполне естественным причинам — Сакс умышленно вызван в другой город, а Галицкий, хотя и любит Полиньку, любит ее эгоистично, намеренно старается склонить к измене. Так в сюжетную схему французского романа вторгаются элементы традиционных адюльтерных историй: с одной стороны, чувства к первому возлюбленному, которым помешал брак с пожилым скучным чиновником (первый возлюбленный становится любовником замужней героини в 11% вошедших в нашу базу текстов), с другой — измена с блестящим молодым человеком, решившим оболыстить героиню (яркий пример такого сюжета — повесть И. Головина «Лев» 1841 года, которая, кстати, заканчивается счастливым примирением супругов). Главные герои «Полиньки Сакс», по мнению автора, потенциально способны построить идеальные отношения равных супругов, в которых муж воспитал жену, но в этот сюжет вместе с появлением Галицкого вторгаются традиционные элементы светской адюльтерной повести, которые заставляют героев совершать ошибки.

Итак, адюльтерный сюжет в русской повести 1830—1840-х годов передавал различное идеологическое содержание, мог быть и светским анекдотом, и образом протофеминистской критики современного автору общества (часто развивающим, но редко полностью повторяющим идеи западных авторов). Но при всей смелости некоторых писателей, высказывающихся о женском воспитании, браках по расчету и положении женщины в обществе, практически никто из них, и даже авторы-женщины, в своем тексте не дал голос героине. В корпусе нет ни одного текста, в котором повествование велось бы от женского лица, тогда как повествования от лица мужа, любовника или мужчины-наблюдателя существуют в нем практически равноправно с третьеличным (38 и 59% соответственно). Исключения — повести в письмах: их в корпусе всего две, и обе «эмансипационные» — «Безобразный муж» Панаевой (Современник. 1848. № 4) и «Без рассвета» Кудрявцева. Уникальный случай — текст Панаевой «Неосторожное слово» (Современник. 1848. № 3), в которой женщина выступает вторичным рассказчиком и обсуждает с первичным нарратором-мужчиной историю из своей молодости (впрочем, это история не об адюльтере, а о нереализованном адюльтерном желании, хотя и со многими критическими замечаниями автора). Разумеется, писатели могли использовать множество техник для передачи сознания своих изменивших героинь, но тем не менее русские адюльтерные повести 1820—1850-х годов оказались недостаточно «эмансипационными», чтобы дать героиням право самим говорить о своих проблемах.

Библиография / References

- [Абрамс 2011] — *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789—1918 / Пер. с англ. Е. Незлобиной. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011.
- (*Abrams L.* The Making of Modern Woman: Europe 1789—1918. Moscow, 2011 — In Russ.)
- [Бройде 1986] — *Бройде А.М.* А.В. Дружинин. Жизнь и творчество. Копенгаген: Rosenkilde & Bagger, 1986.
- (*Broyde A.M.* A.V. Druzhinin. Zhizn' i tvorchestvo. Copenhagen, 1986.)
- [Бурмистрова 2010] — *Бурмистрова С.В.* Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 73—79.
- (*Burmistrova S.V.* Lyubovno-semeynaya problematika v russkoy literature serediny XIX veka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 8. P. 73—79.)
- [Вольперт 1998] — *Вольперт Л.И.* Одна из запретных тем // Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина: творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 281—292.
- (*Vol'pert L.I.* Odnа iz zapretnykh tem // Vol'pert L.I. Pushkin v roli Pushkina: tvorcheskaya igra po modelyam frantsuzskoy literatury. Pushkin i Stendal'. Moscow, 1998. P. 281—292.)
- [Вольперт 1994] — *Вольперт Л.И.* От верной жены к неверной // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. (Новая серия). 1994. Вып. 1. С. 67—84.
- (*Vol'pert L.I.* Ot vernoy zheny k nevernoy // Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedeniye. (Novaya seriya). 1994. Vol. 1. P. 67—84.)
- [Егоров 1986] — *Егоров Б.Ф.* Проза А.Ф. Дружинина // Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. С. 429—458.
- (*Egorov B.F.* Proza A.F. Druzhinina // Druzhinin A.V. Povesti. Dnevnik. Moscow, 1986. P. 429—458.)
- [Заламбани 2017] — *Заламбани М.* Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого: «Семейное счастье», «Анна Каренина», «Крейцеров соната» / Пер. с итал. К. Ланда. М.: РГГУ, 2017.
- (*Zalambani M.* L'istituzione del matrimonio in Tolstoj. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Кафанова 2000] — *Кафанова О.Б.* Жорж Санд как феномен русской литературы и культуры // Вестник Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 6 (22). С. 18—21.
- (*Kafanova O.B.* Zhorzh Sand kak fenomen russkoy literatury i kul'tury // Vestnik Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2000. № 6 (22). P. 18—21.)
- [Нестеренко 2021] — *Нестеренко М.* Проблема женского литературного творчества в России в первой трети XIX в. Случай А.П. Буниной. Тарту: University of Tartu Press, 2021.
- (*Nesterenko M.* Problema zhenskogo literaturnogo tvorchestva v Rossii v pervoy treti XIX v. Sluchay A.P. Buninoy. Tartu, 2021.)
- [Плашинова 2018] — *Плашинова А.В.* «Необдуманные шаги»: трансформация сюжета «супружеская измена» в прозе А.Я. Панаевой (на материале корпуса повестей 1825—1850 гг.) // Русская филология. 29. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Тартуский университет, 2018. С. 83—92.
- (*Plashinova A.V.* "Neobdumannyye shagi": transformatsiya syuzheta "supruzheskaya izmena" v proze A.Ya. Panayevoy (na materiale korpusa povestey 1825—1850 gg.) // Russkaya filologiya. Vol. 29. Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov. Tartu: Tartu University, 2018. P. 83—92.)
- [Савкина 1998] — *Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F.K. Gopfert, 1998.
- (*Savkina I.* Provintsialki russkoy literatury (zhenskaya proza 30—40-kh godov XIX veka). Wilhelmshorst, 1998.)
- [Eidelman 1994] — *Eidelman D.D.* George Sand and the Nineteenth-century Russian Love-triangle Novels. Lewisburg: Bucknell UP, 1994.
- [Godwin-Jones 1995] — *Godwin-Jones R.* Romantic Vision: The Novels of George Sand. Birmingham: Summa Publications, 1995. P. 13—40.
- [Jameson 2013] — *Jameson F.* The Antinomies of Realism. London: Verso, 2013.
- [Klenin 1991] — *Klenin E.* On the Ideological Sources of "Čto delat'": Sand, Druzhinin, Leroux // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1991. Bd. 51. № 2. S. 367—407.
- [Overton 2002] — *Overton B.* Fictions of Female Adultery, 1684—1890. Theories and Circumtexts. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.

Источники

- Бальзак О.* Тридцатилетняя женщина / Пер. с фр. А. Худадовой // Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. Т. 2. М.: Правда, 1960.
- Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина Статья девятая. «Евгений Онегин» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 473—504.
- Дружинин А.В.* Полинька Сакс // Современник. 1847. Т. 6. Ч. 2. № 12. С. 155—228.
- Безгласный В.* [Одоевский В.Ф.] Княжна Мими. Домашние разговоры // Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. С. 17—72.
- Станицкий Н.* [Панавва А.Я.] Неосторожное слово // Современник. 1848. № 3. Отд. I. С. 65—76.
- Победоносцев С.П.* Милочка // Отечественные записки. 1845. Т. 40. № 6. С. 283—368.